

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Б. А. Шахназаров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Подходы КНР к охране интеллектуальных прав на программное обеспечение с открытым исходным кодом, а также на результаты, созданные с его помощью, включая решения на основе систем искусственного интеллекта и охрану авторских прав в процессе их обучения

Резюме. Подходы КНР к регулированию отношений, связанных с использованием открытых ресурсов, программного обеспечения с открытым исходным кодом, заслуживают особого внимания ввиду масштабного использования китайских решений в мире. Активность Китая в области программного обеспечения с открытым исходным кодом резко возросла в 2020 г., заложив основу для того типа инноваций, который можно констатировать сегодня. Энергично поощряя культуру создания программного обеспечения с открытым исходным кодом, Китай обеспечил широкий круг разработчиков доступом к инструментам искусственного интеллекта, а не ограничил их несколькими доминирующими компаниями. В обозначенном контексте возникает проблема охраны интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с помощью или на основе программного обеспечения с открытым исходным кодом, прежде всего посредством генеративного искусственного интеллекта. Важно понимать, что именно в законодательстве об авторском праве конкретного государства с учетом территориального принципа охраны интеллектуальной собственности могут быть реализованы те или иные режимы свободного использования произведений, к которым относятся и программы для ЭВМ. При этом, как представляется, невозможно игнорировать то обстоятельство, что использование открытого исходного кода и реализация с учетом этого различных решений и сервисов на основе искусственного интеллекта также зачастую предполагают творческую деятельность, сопряженную с созданием результатов интеллектуальной деятельности. Китайский подход предусматривает решение ключевых правовых проблем, связанных с широким применением систем искусственного интеллекта, и ввиду его модельного характера может быть использован при развитии законодательства в сфере искусственного интеллекта в России и в рамках БРИКС в целом.

Ключевые слова: программное обеспечение; программы для ЭВМ; открытый исходный код; искусственный интеллект; генеративный ИИ; свободные лицензии; DeepSeek; интеллектуальная собственность; open source; обучение ИИ; охрана авторских прав

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Подходы КНР к охране интеллектуальных прав на программное обеспечение с открытым исходным кодом, а также на результаты, созданные с его помощью, включая решения на основе систем искусственного интеллекта и охрану авторских прав в процессе их обучения. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 8. С. 111–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

China's Approaches to Protecting Intellectual Property Rights in Open-Source Software and AI-Generated Products, Including Copyright Protection in AI Training

Benjamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. China's regulatory approaches to open-source resources and software deserve special attention due to the widespread global use of Chinese-developed solutions. China's activity in the open-source software sector surged in 2020, laying the foundation for the type of innovations seen today. By actively fostering an open-source development culture, China has provided a broad range of developers with access to AI tools rather than restricting them to a few dominant corporations. Within this context, the issue of protecting intellectual property rights over products created using or based on open-source software, particularly through generative AI, has become critical. It is important to recognize that copyright laws in a given country, governed by the territorial principle of IP protection, determine the specific regimes for the fair use of works, including computer programs. At the same time, it is impossible to ignore the fact that the use of open-source code and the development of AI-based solutions and services often involve creative efforts leading to new intellectual property. China's approach addresses key legal challenges arising from the widespread use of AI systems. Given its model-like adaptability, it could serve as a reference for the development of AI legislation in Russia and across the BRICS nations as a whole.

Keywords: software; computer programs; open source; artificial intelligence; generative AI; free licenses; DeepSeek; intellectual property; open source; AI training; copyright protection

Cite as: Shakhnazarov BA. China's Approaches to Protecting Intellectual Property Rights in Open-Source Software and AI-Generated Products, Including Copyright Protection in AI Training. *Lex russica*. 2025;78(8):111-126. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.225.8.111-126

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Подходы КНР к регулированию отношений, связанных с использованием открытых ресурсов, программного обеспечения с открытым исходным кодом, заслуживают особого внимания ввиду широкого применения китайских решений в мире.

Понятие «открытый исходный код» относится к двум различным концепциям¹. Во-первых, и это самое важное, оно относится к нескольким лицензиям, распространяемым с открытым программным обеспечением. Особенно следует отметить лицензию GNU General Public License (GPL) и лицензию Berkeley Systems Distribution (BSD). Во-вторых, оно относится ко всей системе разработки программного обеспечения, которая предполагает прозрачность и распределенную ответственность как основу качественного программного обеспечения. Эти

два определения охватывают широкий спектр программного обеспечения с различными ограничениями авторских прав. Диапазон настолько велик, что Free Software Foundation (Фонд открытого программного обеспечения — некоммерческая организация) предоставляет исчерпывающий список определений и диаграмм, чтобы объяснить тонкости «открытого программного обеспечения» по сравнению с «открытым исходным кодом».

GPL-лицензия на открытое программное обеспечение, созданная в рамках проекта GNU в 1988 г., по которой автор передает программное обеспечение в общественное достояние, устанавливает несколько требований. Во-первых, исходный код должен быть свободно доступен «в том же месте», что и исполняемый файл. Обычно это означает, что исходный файл должен быть свободно загружен с того же веб-сайта или на том же диске, что и исполняемая программа.

¹ См.: Patel N. Open source and china: inverting copyright? // URL: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

Во-вторых, исходный код должен быть модифицируемым и распространяемым, то есть любой, кто хочет изменить код и распространить программу, должен иметь возможность сделать это. В-третьих, и это самое важное, любой, кто распространяет измененную версию программного обеспечения GPL, должен также лицензировать программное обеспечение по GPL. Таким образом, GPL часто называют вирусным, потому что оно пронизывает любое программное обеспечение, которое включает код GPL. Важное исключение из вирусной природы GPL — положение о «простом агрегировании», которое предполагает, что программное обеспечение GPL может распространяться с другим программным обеспечением, не являющимся GPL, если оно «просто агрегировано» в том же месте. Обозначенное предполагает, что, например, диск DVD-ROM, содержащий Linux (лицензированный по GPL), может также содержать другое программное обеспечение, не являющееся GPL².

Вирусная природа GPL проявляется только в том случае, если исходный код GPL изменяется и распространяется. Например, TiVo, Inc. продает персональный видеомаягнитофон, который использует специальную версию ядра Linux, работающую на оборудовании PowerPC. Его версия Linux свободно доступна в Интернете. Однако то, что большинство людей считают TiVo, на самом деле есть специальное приложение, работающее поверх операционной системы Linux, которую TiVo не лицензировала по GPL. Приложение «просто агрегируется» с Linux на жестком диске TiVo, и GPL не допускает просто использовать его. Linux — наиболее известное программное обеспечение GPL, доступное в настоящее время. Это полноценная операционная система, состоящая из основного ядра и пользовательской среды.

Стандартный дистрибутив Linux, такой как Red Hat Linux или Debian Linux, состоит из нескольких компонентов: загрузчика, который запускает машину; ядра, которое управляет системой; драйверов, которые взаимодействуют между оборудованием и ядром; пользовательской среды, которая может быть знакомым графическим пользовательским интерфейсом (далее GUI) или текстовой оболочкой, такой как bash или tcsh; и нескольких программ, которые позволяют пользователю выполнять общие задачи, такие как просмотр веб-стра-

ниц или обработка текста. Каждый из этих компонентов независим от других, что позволяет бинарному дистрибутиву Linux включать как GPL-, так и не-GPL-код в соответствии с положением «простой агрегации». Например, общий графический интерфейс Linux — это система X-Window, которая не лицензируется по GPL, но лицензируется по своей собственной лицензии — лицензии XFree86 Project. Некоторое популярное программное обеспечение, работающее в Linux, является полностью оригинальным (проприетарным, то есть принадлежащим разработчикам), например упомянутое выше приложение TiVo или версии Adobe Acrobat и RealPlayer для Linux. Последствия открытого программного обеспечения заключаются не в исключительном использовании GPL, а в природе компаний — разработчиков программного обеспечения, которые распространяют программное обеспечение с открытым исходным кодом, в частности Linux.

Такие компании, как Red Hat, не продают никакого оригинального программного обеспечения и не рассчитывают получать прибыль напрямую от продажи программного обеспечения с открытым исходным кодом. Поскольку весь код доступен, любой желающий может просто загрузить само программное обеспечение. Вместо этого Red Hat оказывает услуги по сервисному обслуживанию и поддержку. По сути, ее продукт — это снижение сложности, связанной с использованием Linux. Аналогично IBM продает мощные серверы, работающие под управлением Linux. Реклама IBM фокусируется на том факте, что эти серверы работают под управлением Linux, хотя Linux не дает прямого конкурентного преимущества — Linux работает практически на любом доступном оборудовании. IBM между тем с помощью маркетинга и рекламы продвигает свои специализированные навыки в обслуживании и поддержке, используя Linux как символ сложности.

В обозначенном контексте важно подчеркнуть, что, поскольку практически отсутствует стимул разрабатывать открытое программное обеспечение для прямого получения прибыли, открытое программное обеспечение существует далеко за пределами традиционного подхода к авторскому праву. Но открытое программное обеспечение по-прежнему требует своей защиты. Автор программного обеспечения с открытым исходным кодом, будь то кор-

² См.: Patel N. Op. cit.

порация или студент колледжа, явно отвергает эту монополию в пользу GPL (или какой-либо другой лицензии с открытым исходным кодом). Однако авторы программного обеспечения с открытым исходным кодом также явно зависят от законодательства об авторском праве, поскольку именно соответствующие нормативные основы придают силу и смысл различным лицензиям.

Важно понимать, что именно в законодательстве об авторском праве конкретного государства, с учетом территориального принципа охраны интеллектуальной собственности, могут быть реализованы те или иные режимы свободного использования произведений, к которым относятся и программы для ЭВМ. Рассматриваемый институт свободного использования произведений не является какой-либо формальностью и не должен быть использован в рамках выполнения каких-либо формальностей, так как это вытекает из положений п. 2 ст. 5 Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, согласно которым для охраны авторских прав не требуется выполнение каких-либо формальностей и, помимо установленных Конвенцией положений, объем охраны, равно как и средства защиты, предоставляемые автору для охраны его прав, регулируются исключительно законодательством страны, в которой истребуется охрана.

Стоит отметить, что регулирование отношений по свободному использованию произведений будет осуществляться правом каждого конкретного государства, применительно к которому рассматривается возможность свободного использования произведения, в контексте коллизионной нормы *lex loci protectionis*.

Положениями ст. 9 Бернской конвенции предусмотрена охрана исключительного права автора разрешать воспроизведение произведений любым образом и в любой форме. При этом на уровне национального законодательства государства — участника Бернской конвенции может разрешаться воспроизведение произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора.

Интересы автора положены в основу международно-правовой охраны авторских прав,

«нормальное использование» которых также обеспечивается положениями Бернской конвенции. При общей описательности обозначенных критериев Бернская конвенция содержит чуть больше конкретики применительно к некоторым случаям свободного использования произведений: цитаты; иллюстрации для обучения при указании источника и автора (ст. 10); дополнительные случаи возможного свободного использования произведений: определенных статей и произведений, переданных в эфир; произведений, показанных или оглашенных в связи с текущими событиями (ст. 10-bis).

Важно, что Бернская конвенция отдельно выделяет возможность передачи произведения для всеобщего сведения любым способом беспроводной передачи знаков, звуков или изображений, что также является исключительным правом авторов (ст. 11-bis). В то же время предусмотрена определенная дискреция государств — участников Конвенции. Так, именно национальным законодательством государств — участников Конвенции определяются условия осуществления прав передачи произведения для всеобщего сведения любым способом беспроводной передачи знаков, звуков или изображений, однако эти условия применяются только в тех странах, которые их установили. Но такие условия ни в коем случае не должны ущемлять личные неимущественные права автора или принадлежащее автору право на получение справедливого вознаграждения, которое, при отсутствии соглашения, устанавливается компетентным органом.

Таким образом, хотя Бернская конвенция не регулирует напрямую случаи свободного использования программ для ЭВМ с открытым исходным кодом, она в совокупности с положениями соглашения ТРИПС (ст. 10), устанавливающего охрану компьютерных программ как литературных произведений с ссылкой к положениям Бернской конвенции, по сути, закрепляет исключительное право автора передавать программы для ЭВМ для всеобщего сведения любым способом и право государств — участников Конвенции определять возможные случаи свободного произведения в обозначенном контексте.

Отмечается³, что интерес автора с открытым исходным кодом к защите авторских прав нетрадиционный (потому что нет ожидания прямой прибыли от программного обеспе-

³ См.: *Patel N. Op. cit.*

чения), но явный (потому что возможность предоставления лицензии вытекает из международного договора и законодательства об авторском праве многих государств). Так, пользователь программного обеспечения по GPL, который утверждает, что GPL не связывает его, как любая другая лицензия, требованиями законодательства об авторском праве, «просто открывает для себя ряд оснований для подачи в его адрес исковых заявлений»⁴ в соответствии с законодательством об авторском праве. Без по крайней мере теоретических основ об авторском праве такая лицензия, как GPL, не является юридически обязательной. Законодательство об авторском праве предоставляет автору соответствующее исключительное право на любые его произведения. Лицензия с открытым исходным кодом зависит от признания того, что автор произведения имеет исключительные права на произведение, определяя его юридическую судьбу. Лицензия, подобная GPL, эффективна только в том случае, если ее соблюдение можно обеспечить, а обеспечение соблюдения GPL происходит в сфере защиты авторских прав. Учитывая невероятное разнообразие программного обеспечения с открытым исходным кодом, следует признать очевидным то, что авторы программного обеспечения нашли альтернативный стимул для творчества. А с учетом повсеместного характера и зачастую высокого качества некоторого программного обеспечения с открытым исходным кодом — около 67 % веб-сайтов работают на Apache, веб-сервере с открытым исходным кодом, — еще одним следствием является то, что такой альтернативный стимул должен быть довольно эффективным.

В недавнем судебном споре Верховный народный суд Китая⁵ разъяснил правила определения принадлежности исключительного права на произведения и ответственности за нарушение, когда программное обеспечение разрабатывается на основе открытого исходного кода. Дело Netcom Technology (Suzhou) Co., Ltd. против Yimou Communication Technology Co., Ltd. было рассмотрено по поводу прав на программное обеспечение OfficeTen1800, разработанное Netcom Technology (Suzhou) Co., Ltd.

(Netcom) с использованием операционной системы OpenWRT с открытым исходным кодом. OpenWRT — это программное обеспечение для управления системой в области связи, исходный код которого доступен для свободного использования разработчиками программного обеспечения в соответствии с лицензионным соглашением с открытым исходным кодом GNU General Public License версии 2 (GPLv2). Netcom выполнила вторичную разработку на OpenWRT для создания OfficeTen1800, что включало изменение базового исходного кода OpenWRT, а также добавление нового исходного кода для реализации функциональности верхнего уровня. Затем Yimou Communication Technology Co., Ltd. (Yimou) наняла бывших сотрудников Netcom в Qimou Network Technology Co., Ltd. (Qimou). Эти сотрудники скопировали и изменили исходный код OfficeTen1800 для разработки существенно сходного программного обеспечения, которое Yimou и Qimou затем распространяли. Скопированный код содержал специальные маркеры из исходного кода Netcom. Netcom подала в суд на Yimou, Qimou и бывших сотрудников за нарушение авторских прав, требуя судебного запрета и возмещения ущерба в размере 3 млн юаней. Ответчики утверждали, что в соответствии с лицензией с открытым исходным кодом Netcom была обязана сделать свой исходный код общедоступным и свободно лицензировать его всем третьим лицам, поэтому у Netcom нет правовых оснований на иск.

Суд постановил, что программное обеспечение OfficeTen1800, разработанное Netcom на основе программного обеспечения с открытым исходным кодом с существенными инвестициями, было оригинальным, и его авторские права должны быть защищены. Доводы ответчиков лишь позволили доказать, что программное обеспечение шлюза содержало открытый исходный код, но не показали, что программное обеспечение просто использовало (добавило, изменило или удалило) открытый исходный код. Ключевым фактом было то, что Netcom не опубликовал свой исходный код, поэтому ответчики не выполнили предварительное условие для использования и создания производных продуктов по лицензии GPLv2.

⁴ См.: Patel N. Op. cit.

⁵ См.: Верховный народный суд Китая (2021 г.) (апелляция по делам интеллектуальной собственности, дело № 51). См. также: Sosna J. The Boundaries of Open Source: China's Supreme People's Court Upholds Copyright for Software Built on Open Source Code // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> (дата обращения: 03.03.2025).

Особенно важно, что суд пояснил: вопрос о том, нарушила ли Netcom соглашение об открытом исходном коде, не зависит от того, владеет ли она авторскими правами⁶. В противном случае это бы необоснованно лишило или ограничило авторские права разработчика на основе его первоначального вклада. Даже если бы программное обеспечение имело дефекты заголовка из-за нарушения Netcom GPLv2 или если бы Netcom не предоставила исходный код в свободном доступе, это не повлияло бы на его способность привлекать ответчиков к ответственности за нарушение авторских прав.

Суд постановил, что Yimou и Qimou нарушили авторские права Netcom, копируя, изменяя и распространяя программное обеспечение. При расчете убытков суд сосредоточился на доле оригинального выражения Netcom в общей работе над программным обеспечением, разумно отделив ранее открытые части OpenWRT. Учитывая высокое сходство между нарушающим программным обеспечением и OfficeTen1800, их прямую конкуренцию на рынке и доступ ответчиков к исходному коду через бывших сотрудников, суд постановил, что ответчики должны прекратить нарушение и совместно выплатить Netcom 500 тыс. юаней.

Суд отметил, что это решение не означает, что Netcom освобождается от ответственности, которую она может понести в случае потенциального нарушения контракта и/или исков о нарушении прав. Это дело разъясняет правила определения правообладания на программное обеспечение, разработанное на основе открытого исходного кода, сферу действия соглашений GPL и то, как определяются ответственность за нарушение и убытки за использование вторичных разработок.

Дело было впервые рассмотрено Народным судом промежуточной инстанции Сучжоу в 2018 г., затем оно было передано в Верховный народный суд, который вынес свое решение в 2021 г. Тот факт, что Верховный народный суд назвал его одним из показательных дел в области интеллектуальной собственности в пятую годовщину его принятия, подчеркивает значимость и прецедентную ценность этого решения, хотя правила рассмотрения дел, связанных с открытым исходным кодом, всё еще изучаются и разрабатываются.

Таким образом, точное понимание обязательной силы соглашений о лицензировании с открытым исходным кодом и адекватное определение правовых границ между владельцами открытого исходного кода и разработчиками вторичного программного обеспечения имеет решающее значение для стимулирования инноваций и содействия здоровому развитию индустрии программного обеспечения⁷. Это постановление ясно дает понять, что разработчики владеют авторскими правами на оригинальные новые работы, созданные путем простого использования продуктов с открытым исходным кодом или вторичной разработки на основе продуктов с открытым исходным кодом. Решение вопроса о том, нарушает ли вторичный разработчик соглашение с открытым исходным кодом, не зависит от того, владеет ли он авторскими правами и может ли требовать возмещения ущерба от других.

Принцип, установленный в рассмотренном Верховным народным судом КНР деле, согласно которому программное обеспечение для вторичной разработки является относительно независимым и не обязательно или не полностью подчиняется обязательным правилам открытого исходного кода, предполагает уважение и охрану оригинального результата интеллектуальной деятельности «вторичных разработчиков», он придаст разработчикам программного обеспечения большую правовую определенность в фокусе китайской юрисдикции.

Отдельно стоит отметить развитие законодательства Китая в контексте членства во Всемирной торговой организации (ВТО). Так, Китай получил одобрение на вступление во Всемирную торговую организацию в 2001 г. Как член ВТО, Китай обязан соблюдать положения Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) как наиболее всеобъемлющего международного соглашения по интеллектуальной собственности.

В случае с авторскими правами на программное обеспечение ТРИПС предусматривает, что участники должны соблюдать ст. 1–21 Бернской конвенции (1971 г.). Китай привел свой Закон об авторском праве в соответствие с Бернской конвенцией в 1992 г., и он в значительной степени соответствует принципам соглашения ТРИПС. Национальное управление по авторским правам Китая (NCA) — администра-

⁶ См.: *Sosna J.* Op. cit.

⁷ См.: *Sosna J.* Op. cit.

тивный орган по авторским правам Государственного совета, который имеет полномочия рассматривать случаи нарушения авторских прав, затрагивающие всю страну, но исполнение на местном уровне отведено местным управлениям по авторским правам и муниципалитетам. Важные изменения в сфере правовой охраны программ для ЭВМ произошли в 1995 г., когда программному обеспечению была предоставлена традиционная защита авторских прав вместо простой регистрации в административном органе по электротехнической промышленности. В качестве прямого ответа на положения Соглашения ТРИПС в Закон об авторском праве были дополнительно внесены изменения — включены 13 конкретных прав для авторов. Область «добросовестного использования» также была сужена для соответствия Соглашению ТРИПС, а срок защиты программного обеспечения увеличен с 25 лет до 50 с предоставлением автору конкретных прав.

Из заметных проблем стоит отметить, что имело место почти полное отсутствие обеспечения соблюдения соответствующего законодательства. Запуск полномасштабных мер по обеспечению соблюдения авторских прав практически в отношении каждого пользователя персональных компьютеров в стране был бы и непопулярным, и громоздким решением. Вместо этого в сотрудничестве с независимыми группами мониторинга прав интеллектуальной собственности местные бюро по авторским правам приняли на себя рассмотрение особых случаев нарушения прав на программное обеспечение.

Кроме того, в Законе об авторском праве Китая отсутствуют положения, требующие, чтобы средства правовой защиты от нарушения авторских прав были пропорциональны вреду, причиненному нарушением. Это означает, что суды могут определять средства правовой защиты по своему усмотрению, но китайские суды не создают норм прецедентного права.

К тому же существует ряд оговорок в ТРИПС, которые позволяют ограниченно реализовывать положения Соглашения в определенных случаях.

Положения Соглашения ТРИПС направлены на содействие продвижению технологических инноваций, передаче и распространению технологий для взаимной выгоды производителей и пользователей технологических знаний и в порядке, благоприятствующем социальному и

экономическому благосостоянию. Сверх того, Соглашение прямо признает особые потребности наименее развитых стран-членов в отношении максимальной гибкости во внутренней реализации законов и правил, чтобы позволить им создать надежную и жизнеспособную технологическую базу. Наименее развитые страны-члены составляют группу с неоднозначным членством, потому что Китай квалифицируется как развивающаяся страна по определению Организации Объединенных Наций, но будет считаться «менее развитой страной» по таксономии Всемирного банка. При этом Китай имел право на 10-летний льготный период до начала реализации положений Соглашения ТРИПС.

В соответствии с положениями ст. 65 Соглашения ТРИПС, которые допускают еще большую отсрочку для страны-члена, находящейся в процессе перехода от управляемой экономики к системе рыночной экономики, проводящей структурную реформу своей системы интеллектуальной собственности и сталкивающейся с особыми проблемами в подготовке и внедрении законов и положений об интеллектуальной собственности, Китай имеет возможность откладывать на неопределенный срок применение положений Соглашения, поскольку он может не завершать свой переход к свободной рыночной экономике. Положение об отсрочке следует рассматривать в сочетании со статьей 8, которая предусматривает, что государства-члены могут при разработке или изменении своего законодательства принимать меры, необходимые для содействия общественным интересам в секторах, имеющих жизненно важное значение для их социально-экономического и технологического развития, при условии что такие меры соответствуют положениям Соглашения ТРИПС.

Необходимо понимать, что в свете идеологической позиции китайского правительства обеспечение соблюдения авторских прав является проблемой в равной степени политической и социальной. Китайское правительство контролирует прессу, печать и электронные СМИ. Вместе с тем Конституция КНР предусматривает, что государство содействует развитию литературы и искусства, прессы, вещательных и телевизионных предприятий, издательских и распределительных служб, библиотек, музеев, культурных центров и других культурных предприятий, которые служат людям и социализму.

Современные реалии в развитии информационных технологий характеризуются в Китае

прорывом в области использования искусственного интеллекта. DeepSeek, ранее малоизвестная китайская компания, осуществляющая деятельность в сфере технологий искусственного интеллекта, создала «большую языковую модель», которая обещает изменить ландшафт искусственного интеллекта за небольшой промежуток времени.

Прорыв DeepSeek также имеет более серьезные последствия для технологической гонки между США и Китаем: по-видимому, он застиг врасплох даже самые известные американские технологические компании. Его запуск, как предсказывалось, может положить начало развитию иного подхода к искусственному интеллекту на Западе, на фоне новой эры соперничества в сфере эффективных решений на основе искусственного интеллекта.

Очевидны стремительные достижения Китая в области искусственного интеллекта. В то время как США часто отдавали приоритет проприетарным моделям, Китай построил процветающую экосистему искусственного интеллекта, используя технологии с открытым исходным кодом, способствуя сотрудничеству между поддерживаемыми правительством исследовательскими институтами и крупными технологическими фирмами.

Эта стратегия позволила Китаю быстро масштабировать свои инновации в области искусственного интеллекта, в то время как США, несмотря на положительное позиционирование решений, возникающих в Кремниевой долине, остаются ограниченными в обозначенном контексте⁸. Американские компании, несмотря на продвижение инициатив с открытым исходным кодом, по-прежнему в значительной степени полагаются на стратегии с закрытым исходным кодом, которые ограничивают более широкий доступ и сотрудничество.

DeepSeek делает особенно революционным его способность достигать высочайшей производительности при одновременном снижении затрат на вычисления — область, в которой американские компании испытывают трудности из-за своей зависимости от моделей обучения,

требующих очень дорогого вычислительного оборудования.

Там, где когда-то Кремниевая долина была эпицентром глобальных цифровых инноваций, ее корпоративные гиганты теперь кажутся уязвимыми для более инновационных, «неаккуратных» стартап-конкурентов — хотя и тех, которые поддерживаются крупными государственными инвестициями в инфраструктуру искусственного интеллекта. Используя промышленный подход Китая к системам искусственного интеллекта, DeepSeek кристаллизовал реальность, которую многие в Кремниевой долине долгое время игнорировали. Это указывает и на неэффективность попыток США сохранить свою технологическую гегемонию посредством жесткого контроля за экспортом новейших чипов для систем искусственного интеллекта в Китай⁹.

Стремительный рост DeepSeek подчеркивает прогрессирующее понимание того, что в глобальном масштабе мир вступает в потенциально новую парадигму использования искусственного интеллекта, в которой китайская модель инноваций с открытым исходным кодом и поддерживаемыми государством разработками оказывается более эффективной, чем иные корпоративные подходы.

При этом отмечается, что такой формат развития технологий генеративного искусственного интеллекта на основе открытого исходного кода позитивен для мира¹⁰. Например, это предполагает, что Европейский Союз, до сих пор последовательно развивающийся в области генеративного искусственного интеллекта, потенциально может получить собственную платформу искусственного интеллекта. До сих пор это казалось невозможным из-за огромного объема инвестиций, необходимых для разработки его моделей.

Однако есть и менее позитивные стороны рассматриваемого подхода. Так, с технической точки зрения DeepSeek вряд ли можно сравнить с американскими платформами искусственного интеллекта, поскольку он в основном оптимизирует существующие модели, а не разрабаты-

⁸ См.: Bloom P. DeepSeek: how China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. February 12, 2025. URL: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> (дата обращения: 05.03.2024).

⁹ См.: Bloom P. Op. cit.

¹⁰ См.: García-Herrero A., Krystianczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. 4 February 2025. URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> (дата обращения: 18.03.2024).

вают новые, которые могли бы конкурировать с моделями из США¹¹. Оптимизация моделей важна и приветствуется, но не устраняет необходимости создания новых моделей. Таким образом, несмотря на то что DeepSeek удалось значительно сократить затраты на вычисления и использовать эффективные архитектуры для сокращения разрывов в производительности между меньшими и большими моделями, он принципиально не нарушает «закон масштабирования», согласно которому большие модели дают лучшие результаты. Огромные финансовые затраты сохраняют свое значение в выборе модели искусственного интеллекта.

Кроме того, важно подчеркнуть, что DeepSeek не является полностью открытым программным обеспечением. Его данные обучения, методики тонкой настройки и части его архитектуры остаются нераскрытыми, хотя он более открытый, чем американские системы искусственного интеллекта. Это важно, учитывая, что DeepSeek, как и любая китайская компания с системой искусственного интеллекта, должен соблюдать правила национальной безопасности Китая. Китайские правила требуют, чтобы любое использование искусственного интеллекта на основе китайской платформы искусственного интеллекта было лишено критики китайского политического режима и соответствовало китайским ценностям.

Вопрос о том, примут ли правительства других стран такую цензуру в пределах своих юрисдикций, остается открытым для DeepSeek. Одной из существенных проблем здесь является защита данных, и в частности соблюдение требований законодательства о персональных данных. Например, в ЕС действует Общий регламент защиты персональных данных (GDPR), Италия заблокировала DeepSeek 30 января 2025 г. по причине трансграничной передачи данных (DeepSeek признает, что хранит большую часть данных в Китае), в некоторых странах были запущены соответствующие процедуры определения фактов нарушения законодательства о персональных данных. Обозначенное действительно вызывает определенные опасения в части обеспечения суверенитета данных и потенциального доступа правительств к данным, генерируемым на основе DeepSeek, что может ограничить возможность использования

DeepSeek в разных странах, например в ЕС на основе рассмотренного примера.

Геополитический фактор также приобретает в свете развития тех или иных моделей генеративного искусственного интеллекта особое значение. Усиление конкуренции между странами за технологическое лидерство в области решений на основе искусственного интеллекта связано не только с его коммерческим использованием, но и с возможным военным применением — от кибератак до использования для целей беспилотного оружия.

Отмечается¹², что и США, и Китай, судя по всему, намерены вложить еще больше финансовых ресурсов в развитие систем искусственного интеллекта, а также, возможно, в большей степени ограничить доступ к этой технологии: со стороны США наиболее вероятным результатом станет удвоение контроля за экспортом, связанным с технологиями искусственного интеллекта, и прекращение оставшегося сотрудничества в этой области между США и Китаем.

Признавая положительные аспекты коммерциализации систем искусственного интеллекта после успеха DeepSeek, остальные заинтересованные в технологии государства должны понимать, что еще большая технологическая конкуренция между США и Китаем за доминирование в области искусственного интеллекта будет иметь последствия для остальных, к которым может относиться ужесточение экспортного контроля, резкое сокращение научного сотрудничества и др.

Усиление конкуренции на мировом уровне в сфере технологий генеративного искусственного интеллекта, как представляется, демонстрирует возможности, которыми может воспользоваться Россия как государство с активно развивающимся рынком искусственного интеллекта; определенными Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹³ национальными целями, среди которых две из семи — это достижение технологического лидерства, а также цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы; национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утверж-

¹¹ См.: *García-Herrero A., Krystyanczuk M. Op. cit.*

¹² См.: *García-Herrero A., Krystyanczuk M. Op. cit.*

¹³ СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

денной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁴; в целом гибким законодательством в сфере развития технологий, в том числе технологий искусственного интеллекта; наличием нормативной основы для введения экспериментальных правовых режимов, стремительным развитием промышленности в условиях экономических ограничений. Возможности здесь открываются прежде всего с учетом собственного опыта развития технологий искусственного интеллекта (Яндекс, Сбер, КамАЗ и др.) и уже существующих подходов к его регулированию, интеграции в экономику и выбора оптимальной модели (опыт КНР, США, ЕС).

Акцентируя внимание на рассмотрении опыта КНР, стоит отметить, что даже в первые дни цифровой трансформации Китая аналитики предсказывали, что фокус страны на открытом исходном коде может привести к крупному прорыву в области искусственного интеллекта. В 2018 г. Китай интегрировал сотрудничество в сфере открытого исходного кода в свою обширную стратегию цифровизации, осознавая, что содействие общим усилиям по разработке продуктов может ускорить его возможности в области развития искусственного интеллекта. В отличие от США, где доминировали собственные модели искусственного интеллекта, в Китае были разработаны экосистемы с открытым исходным кодом с тем, чтобы обойти западный контроль, быстрее масштабировать инновации и встроиться в глобальное сотрудничество в области искусственного интеллекта. Активность Китая в сфере открытого исходного кода резко возросла в 2020 г., была заложена основа для того типа инноваций, который можно констатировать сегодня. Активно поощряя культуру открытого исходного кода, Китай обеспечил широкий круг разработчиков доступом к инструментам искусственного интеллекта, а не ограничил их несколькими доминирующими компаниями.

Эта тенденция сохранилась в последние годы, и в 2023 г. Китай даже запустил собственные поддерживаемые государством операционные системы и платформы с открытым исходным кодом, чтобы еще больше снизить свою зависимость от западных технологий. Такой шаг рассматривался как попытка закрепить лидерство в области искусственного интеллекта и

создать независимую, самодостаточную цифровую экосистему.

Поддерживаемые правительством Китая инициативы рассматривали решения на основе искусственного интеллекта с открытым исходным кодом как национальный ресурс, а не как корпоративный актив. Это привело к тому, что Китай стал одним из крупнейших в мире поставщиков систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, превзойдя многие западные компании в совместных проектах. Китайские технологические гиганты (Huawei, Alibaba и Tencent) продвигают системы искусственного интеллекта с открытым исходным кодом с помощью таких фреймворков, как PaddlePaddle, X-Deep Learning (X-DL) и MindSpore — все они теперь являются ядром экосистемы машинного обучения Китая. Но они также вносят значительный вклад в глобальные проекты искусственного интеллекта, от Dragonfly от Alibaba, который оптимизирует крупномасштабное распределение данных, до Apollo от Baidu — платформы с открытым исходным кодом, ускоряющей разработку автономных транспортных средств. Эти усилия не просто развивают индустрию искусственного интеллекта в Китае, они глубже интегрируют ее в глобальный мировой ландшафт искусственного интеллекта.

У Китая, столкнувшегося с ограничениями на передовые западные чипы, применяемые в системах искусственного интеллекта, и отстающего в собственной инфраструктуре искусственного интеллекта, не было иного выбора, кроме как внедрять инновации по-другому. Открытый исходный код в системах искусственного интеллекта стал идеальным средством: способом оперативно масштабировать инновации, сократить затраты и подключаться к глобальным исследованиям, обходя ресурсоемкую модель Кремниевой долины с закрытым исходным кодом.

С точки зрения западных и традиционных прав человека принятие Китаем открытого исходного кода применительно к системам искусственного интеллекта может показаться парадоксальным, учитывая строгий контроль за информацией в стране. Его стратегия развития искусственного интеллекта отдает приоритет как технологическому прогрессу, так и строгому соответствию идеологическим принципам Коммунистической партии Китая, гарантируя,

¹⁴ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

что модели искусственного интеллекта соответствуют «основным социалистическим ценностям» и одобренным государством нарративам. Исследования искусственного интеллекта в Китае процветали не только вопреки этим ограничениям, но и во многом благодаря им.

Правительство КНР стратегически поощряло разработку открытого исходного кода, сохраняя при этом жесткий контроль над внутренними приложениями, функционирующими на основе искусственного интеллекта, особенно в области наблюдения и цензуры. Действительно, централизованные правовые режимы могут иметь значительное преимущество в некоторых направлениях, например при разработке технологии распознавания лиц, благодаря широко распространенным системам наблюдения. Огромные объемы данных, собираемые через эти системы, позволяют частным компаниям, работающим с системами искусственного интеллекта, создавать передовые алгоритмы, которые затем можно адаптировать для коммерческого использования, что потенциально ускоряет экономический рост.

Стратегия Китая в области искусственного интеллекта сформирована на двойной основе: государственных инициативах и инновациях частного сектора. Дорожная карта Китая в области искусственного интеллекта нового поколения 2017 г., следует трехэтапной временной шкале: достижение глобальной конкурентоспособности к 2020 г., осуществление крупных прорывов в области искусственного интеллекта к 2025 г. и обеспечение мирового лидерства в области искусственного интеллекта к 2030 г. Параллельно правительство делает акцент на управлении данными, нормативно-правовой базе и контроле этических аспектов с тем, чтобы реализовать ответственную разработку решений на основе искусственного интеллекта.

Отдельной тенденцией в рассматриваемых отношениях представляется государственное субсидирование процессов развития систем искусственного интеллекта. По сравнению с частным венчурным капиталом компании, поддерживаемые государством, нередко отстают в разработке программного обеспечения, но демонстрируют быстрый рост после мер государственной поддержки. Более того, государственное финансирование часто служит сиг-

налом для последующих частных инвестиций, укрепляя экосистему искусственного интеллекта в стране.

Стратегия Китая в области искусственного интеллекта представляет собой отход от его традиционной промышленной политики, которая исторически подчеркивала самодостаточность, поддержку нескольких национальных лидеров и военные исследования. Вместо этого правительство приняло более гибкий и кооперационный подход, который поощряет внедрение программного обеспечения с открытым исходным кодом, разнообразную сеть организаций, использующих системы искусственного интеллекта и государственно-частное партнерство для ускорения инноваций. В этой модели приоритет отдается финансированию исследований, поддерживаемым государством лабораториям и интеграции систем искусственного интеллекта в ключевые отрасли, включая безопасность, здравоохранение и инфраструктуру.

Несмотря на сильное государственное участие, стремительное развитие искусственного интеллекта в Китае в равной степени обусловлено инновациями частного сектора. В Китае на февраль 2025 г. насчитывается около 4 500 компаний, предлагающих решения на основе искусственного интеллекта, что составляет 15 % от общего числа компаний в мире¹⁵.

Китайские технологические гиганты, включая Baidu, Alibaba, Tencent и SenseTime, извлекли выгоду из существенной государственной поддержки, оставаясь конкурентоспособными на мировой арене. Важно подчеркнуть, что экосистема искусственного интеллекта Китая процветает за счет сложного соединения мер государственной поддержки, корпоративных инвестиций и академического потенциала.

Например, оценив потенциал открытого исходного кода в системах искусственного интеллекта на раннем этапе, Университет Цинхуа в Пекине стал ключевым инновационным центром, создав передовые стартапы в области искусственного интеллекта, такие как Zhipu AI, Baichuan AI, Moonshot AI и MiniMax. Все эти решения были основаны преподавателями и выпускниками Университета. Китайская академия наук также сыграла решающую роль в продвижении исследований в области глубокого обучения и языковых моделей.

Китай рассматривает модели с открытым исходным кодом как средство национальной

¹⁵ См.: Bloom P. Op. cit.

технологической независимости. Национальное объединение организаций в сфере искусственного интеллекта, состоящее из 23 ведущих частных предприятий, разработало Национальную платформу открытых инноваций в сфере искусственного интеллекта, которая предоставляет открытый доступ к наборам данных искусственного интеллекта, инструментам, библиотекам и другим вычислительным ресурсам.

Если говорить о системе правового регулирования рассматриваемых отношений, то в первую очередь стоит отметить нормативные акты КНР в сфере искусственного интеллекта.

Так, еще в 2017 г. Китай опубликовал комплексную трехэтапную стратегию «План развития искусственного интеллекта нового поколения», призванную вывести Китай на передовые позиции в области инноваций в сфере искусственного интеллекта. С тех пор Китай принял ряд нормативных актов, связанных с функционированием искусственного интеллекта, в том числе: Административные положения по рекомендательным алгоритмам в информационных интернет-услугах (w.e.f. 2022), которые содержат несколько обязательных требований для поставщиков услуг по рекомендациям алгоритмов; Административные положения о глубоком синтезе в информационных интернет-услугах (с 2023 г.), направленные на укрепление интегрированного управления информационными интернет-услугами; Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта (GAI Measures) (вступили в силу в 2023 г.), где излагаются правила регулирования деятельности лиц, которые предоставляют возможности генеративного искусственного интеллекта населению в пределах материкового Китая; Регламент по рассмотрению этических норм в научной и технологической сфере 2023 г., который требует от организаций, занимающихся научными исследованиями, касающимися наук о жизни, медицины или искусственного интеллекта, создать этический комитет.

Однако эти правила в сфере искусственного интеллекта сами по себе не налагают штрафов.

Вместо этого штрафы могут быть наложены в соответствии с действующими законами, такими как Закон о кибербезопасности, Закон о безопасности данных, Закон о защите личной информации, Гражданский кодекс Китая и уголовное законодательство.

На первый взгляд, Китай придерживается жесткого законодательного подхода, внедряя правила, которые определяют содержательные положения, правила об ответственности за нарушения и несоблюдение требований (включая гражданскую и уголовную ответственность), вплоть до возможного прекращения бизнеса в соответствии с существующими нормативными предписаниями.

Отмечается, что соответствующие правила расплывчаты (и совершенно не похожи на подход, воспринятый в Регламенте ЕС 2024/1689 «Об искусственном интеллекте» 2024 г.), так как в них нет четкого определения искусственного интеллекта или генеративного искусственного интеллекта¹⁶. Это может затруднить реализацию и обеспечение соблюдения нормативных требований как для правительства, так и для всех заинтересованных сторон.

В развитие рассмотренных усилий Китайская академия общественных наук возглавила разработку экспертного проекта модельного закона об искусственном интеллекте, известного как Модельный закон Китая об искусственном интеллекте, который предлагает научно обоснованные положения об управлении искусственным интеллектом и служит ценным справочным материалом для законодательных усилий¹⁷. Последняя итерация, версия 2.0 Модельного закона Китая об искусственном интеллекте, была представлена 16 апреля 2024 г.¹⁸

Модельный закон Китая состоит из шести глав, которые охватывают основные принципы функционирования искусственного интеллекта, стратегии продвижения, системы управления рисками, распределение основных обязанностей, разработку механизмов управления и правовую ответственность. Он воплощает китайский подход к управлению, который поощряет

¹⁶ См.: *Tan A., Wright B.* The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. 2024. December 18 // URL: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁷ См.: *Lingfeng Z.* Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act // URL: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> (дата обращения: 07.03.2025).

¹⁸ The Model Artificial Intelligence Law (MAIL) v.2.0 — Multilingual Version // URL: <https://zenodo.org/records/10974163> (дата обращения: 07.03.2025).

технологический прогресс, предусматривая при этом меры безопасности.

Сопоставление Модельного закона Китая об искусственном интеллекте с законодательством ЕС в данной области в каком-то смысле подчеркивает международный консенсус в отношении управления искусственным интеллектом, демонстрирует уникальные особенности Закона и охватывает его функциональную совместимость и отличительную законодательную структуру с учетом китайской специфики.

Серьезной проблемой в развитии искусственного интеллекта, безусловно, является соотношение между защитой авторских прав и обучением основополагающих моделей. Действительно, при обучении искусственного интеллекта, формировании и использовании языковых моделей возникает риск бесконтрольного использования обучающего контента и, как следствие, нарушения авторских прав. Здесь можно отметить и проблему баланса интересов правообладателей обучающего и используемого контента, владельцев системы искусственного интеллекта и пользователей. Практически невозможно допустить, чтобы масштабное обучение системы искусственного интеллекта на основе защищенных авторским правом произведений возможно было оправдать свободным использованием в учебных целях, поскольку как минимум невозможно обосновать допустимые и разумные объемы такого использования в учебных целях с учетом «субъектной специфики обучающегося» и в большинстве случаев коммерческого характера использования системы искусственного интеллекта. В обозначенной сфере уже есть громкие судебные иски¹⁹. И Европейский Союз, и Китай стремятся решить эту проблему с помощью конкретных мер, направленных на соблюдение баланса между интересами правообладателей авторских прав и интересами владельцев инноваций в сфере искусственного интеллекта, что свидетельствует об эволюционирующем правовом ландшафте в ответ на технологические достижения.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте требует от поставщиков сервисов, основанных на моделях искусственного интеллекта общего назначения (GPAI), соблюдать законодательство об авторском праве, защищать авторские и смежные права, соблюдать иные права, выра-

женные правообладателями в соответствии со ст. 4 (3) Директивы ЕС об авторском праве.

Поставщики обязаны публиковать подробное резюме с описанием контента, используемого для обучения моделей GPAI, что позволит правообладателям авторских прав и заинтересованным сторонам отслеживать и защищать свои права.

Заключение

В Модельном законе Китая об искусственном интеллекте предлагается создать систему лицензирования прав интеллектуальной собственности, адаптированную к разработке систем искусственного интеллекта, прояснить механизмы защиты и распределения доходов от работ, созданных с помощью искусственного интеллекта, а также восстановить баланс между заинтересованными сторонами.

Модельный закон вводит правило «безопасной гавани» для нарушений прав интеллектуальной собственности на работы, созданные с помощью искусственного интеллекта, освобождая поставщиков решений на основе искусственного интеллекта от ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности при определенных условиях, таких как маркировка работ, созданных с помощью искусственного интеллекта, и формируя механизм приема жалоб, системы оповещения и механизмы устранения нарушений.

Модельный закон Китая (в целом соответствуя подходу Регламента ЕС об искусственном интеллекте) предусматривает смягчение или исключение ответственности за использование системы искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, поощряя прозрачность и контроль за соблюдением требований для содействия работоспособности экосистемы открытого исходного кода.

Пользователь открытого исходного кода системы искусственного интеллекта, предоставляемого бесплатно на основе принципа прозрачности, может быть освобожден от правовой ответственности. Если поставщик может продемонстрировать приверженность национальной системе управления соответствием в сфере искусственного интеллекта и внедрил соответствующие меры безопасности, он полу-

¹⁹ См.: *Lingfeng Z. Op. cit.*

чает право на снижение или исключение правовой ответственности.

Такого рода решения представляются интересными, но спорными, ввиду того что сохраняются международные обязательства КНР (вытекающие из положений международных договоров) и действие национального законодательства КНР в сфере охраны авторских прав, предполагающих незыблемую охрану исключительного права автора (правообладателя). Здесь возможно усмотреть нарушение баланса интересов правообладателей и общества со смещением в сторону глобального общественного интереса к развитию технологий искусственного интеллекта с открытым исходным кодом. Невозможно не учитывать то обстоятельство, что использование открытого исходного кода и реализация с учетом этого различных решений и сервисов на основе искусственного интеллекта также зачастую подразумевает творческую деятельность, сопряженную, соответственно, с созданием результатов интеллектуальной деятельности. В обозначенном контексте целесообразно всё же развитие систем искусственного интеллекта с использованием открытого исходного кода на основе принципов незыблемости интеллектуальных прав, должной осмотрительности разработчика и пользователя системы искусственного интеллекта, а также разумного, справедливого распределения ответственности за нарушение интеллектуальных прав между разработчиками и пользователями. При этом развитие автоматизированных систем учета и охраны авторских прав, мониторинга нарушений (в том числе на международном уровне) могло бы стать процессом, сопряженным с развитием генеративных систем искусственного интеллекта на основе открытого исходного кода.

Кроме того, Модельный закон Китая решительно поощряет искусственный интеллект с открытым исходным кодом с точки зрения промышленной политики, предлагая существенную поддержку развитию отрасли. В нем продвигаются идеи создания фонда систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, конкретных налоговых льгот для систем искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, создания платформ, сообществ и

проектов разработок с открытым исходным кодом.

Модельный закон поощряет правительство и государственные предприятия на всех уровнях приобретать продукты и услуги, реализуемые на основе искусственного интеллекта с открытым исходным кодом, соответствующие национальным стандартам.

В целом в Модельном законе воспринята сходная с ЕС логика, основанная на градации систем искусственного интеллекта в зависимости от рисков, но упрощена градация самих рисков путем создания негативного списка для типов систем искусственного интеллекта. Вид деятельности, связанный с искусственным интеллектом, включенный в этот список, требует предварительного разрешения, в то время как для тех видов деятельности, которые не входят в этот список, необходимо только выполнить обязательства по регистрации.

Учитывая широкое применение систем искусственного интеллекта общего назначения и потенциальные риски, которые они могут представлять в дальнейшем, Модельный закон Китая об искусственном интеллекте четко определяет обязательства разработчиков таких систем, а именно: создание системы управления рисками безопасности; улучшение управления моделями и данными; соблюдение принципов открытости, справедливости и беспристрастности; обеспечение инвестиций в ресурсы управления рисками безопасности; помощь другим разработчикам и поставщикам в выполнении их обязанностей; установление внешнего социального надзора; выпуск отчетов о социальной ответственности.

Такая оптимизированная модель распределения рисков обеспечивает динамичное управление рисками, снижая нагрузку по обеспечению соответствия на ранних этапах технологических достижений.

Таким образом, китайский подход предполагает разрешение ключевых возможных правовых проблем, связанных с широким использованием систем искусственного интеллекта, и ввиду его модельного характера может быть использован при развитии законодательства в сфере искусственного интеллекта в Российской Федерации и в рамках БРИКС в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bloom P. DeepSeek: how China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. 2025. February 12 // URL: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> (дата обращения: 05.03.2024).

García-Herrero A., Krystyanczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. 2025. February 4 // URL: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> (дата обращения: 18.03.2024).

Lingfeng Z. Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act // URL: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> (дата обращения: 07.03.2024).

Patel N. Open source and china: inverting copyright? // URL: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> (дата обращения: 25.02.2024).

Sosna J. The Boundaries of Open Source: China's Supreme People's Court Upholds Copyright for Software Built on Open Source Code // URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> (дата обращения: 03.03.2024).

Tan A., Wright B. The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. 2024. December 18 // URL: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> (дата обращения: 07.03.2024).

REFERENCES

Bloom P. DeepSeek: How China's embrace of open-source AI caused a geopolitical earthquake. February 12, 2025. Available at: <https://theconversation.com/deepseek-how-chinas-embrace-of-open-source-ai-caused-a-geopolitical-earthquake-249563> [cited 2024 March 05].

García-Herrero A, Krystyanczuk M. The geopolitics of artificial intelligence after DeepSeek. February 4, 2025. Available at: <https://www.bruegel.org/first-glance/geopolitics-artificial-intelligence-after-deepseek> [cited 2024 March 18].

Lingfeng Z. Navigating AI's uncharted waters: Insights from China's Model AI Law, EU AI Act Available at: <https://iapp.org/news/a/navigating-ai-s-uncharted-waters-insights-from-china-s-model-ai-law-eu-ai-act> [cited 2024 March 07].

Patel N. Open source and china: Inverting copyright? Available at: <https://api.law.wisc.edu/repository-pdf/uwlaw-library-repository-omekav3/original/c87a5fdf9e9c4085f6dda91e88c697fc269c206e.pdf> [cited 2024 February 25].

Sosna J. The boundaries of open source: China's supreme People's Court upholds copyright for software built on open source code. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=3c86ade6-854b-4657-bfeb-deb923125b6a> [cited 2024 March 03].

Tan A, Wright B. The evolution of AI regulation in Asia: A comparative analysis. December 18, 2024. Available at: <https://www.elastic.co/blog/artificial-intelligence-regulation-asia-comparative-analysis> [cited 2024 March 07].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
bashahnazarov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
bashahnazarov@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 18 ноября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 19 марта 2025 г.
Принята к печати 15 июля 2025 г.*

*Received 18.11.2024.
Revised 19.03.2025.
Accepted 15.07.2025.*